

A man and a woman in 19th-century attire are shown in profile, facing each other. The man on the left wears a dark grey or black top hat with a small plume and a dark, heavy coat with large buttons. The woman on the right wears a large, ornate brown hat decorated with dried flowers and leaves, and a brown patterned coat with a white lace collar. They are standing outdoors in an autumn setting with yellow and orange leaves visible in the background and foreground. The overall mood is romantic and historical.

Сергей Абдалов

"Ночная гвардия"

Сергей Абдалов

"Ночная гвардия"

<https://litres.ru/73940943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петроград, 1922 год. Город охвачен страхом: младенцы таинственно исчезают ещё до рождения или спустя считанные часы после появления на свет. Милиция беспомощна, власть растерянна. Разгадать страшную тайну способна лишь одна особая структура — орден демоноборцев «Ночная гвардия», подозревающая вмешательство нечеловеческих сил.

Содержание

«Ночная гвардия»	4
1	4
2	17
3	26
4	35
5	42
6	51
7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сергей Абдалов

'Ночная гвардия'

«Ночная гвардия»

1

Осень 1922 года в Петрограде стояла особенно суровая. Серое небо нависло низко над городом, словно тяжёлая простыня, готовая придавить улицы своим грузом. Холодный ветер гулял по переулкам, играя листьями и мусором, оставшимся после летнего тепла. Дождь моросил мелкими каплями, проникающими сквозь одежду и кожу, вызывая неприятное ощущение сырости и холода.

Молодой врач-акушер Михаил Афанасьевич бежал по улице, стараясь успеть вовремя. Его чёрная шинель промокла насквозь, сапоги громко шлёпали по лужам, разбрызгивая грязную воду. Густой туман окутывал фонари, создавая призрачный ореол вокруг тусклого жёлтого света.

Михаил Афанасьевич выглядел типичным студентом-медиком тех времён. Высокого роста, худощавый, с коротко

стрижеными тёмными волосами и аккуратными усиками. Его лицо было бледным, почти прозрачным, подчёркивающим сосредоточенность и усталость. Большие карие глаза смотрели внимательно и серьёзно, отражая стремление помочь людям и желание стать хорошим врачом.

Одевался молодой доктор скромно, но аккуратно. Под мокрой шинелью виднелась кожаная жилетка и выглядывающая из-под неё рубашка с высоким воротником и узким галстуком. Брюки были заправлены в высокие кожаные сапоги, слегка потертые временем и дорогой. В руках он держал небольшой медицинский саквояж, наполненный необходимыми инструментами и лекарствами.

Его облик дополняли очки в тонкой металлической оправе, придающие облику интеллигентность и серьёзность. Несмотря на холод и непогоду, Михаил двигался быстро и уверенно, стремясь поскорее добраться до своего назначения и оказать помощь нуждающимся пациентам.

Михаил Афанасьевич стоял на краю дороги, растерянно озираясь кругом в надежде отыскать какое-нибудь укрытие от затяжного осеннего дождя. Город постепенно погружался в плотную мглу наступающей ночи. Редкие огоньки газовых фонарей еле-еле проглядывали сквозь влажную дымку, усиливая угрюмость пустынных улиц Петрограда.

Минут эдак десять назад врачу посчастливилось поймать пролётку-такси, намереваясь скорее попасть в дальний особняк, куда звали его срочной помощью. За скромные семь рублей измождённый рысак повёз экипаж по городу, однако вскоре путь преградила глубокая размокшая колея. Извозчик покрутил головой и виновато заявил, что продолжать движение бессмысленно — весенняя распутица сделала переправу невозможной, а дорога стала непригодной.

— Что же поделать, господин доктор, — произнёс извозчик, вытянув ладонь навстречу семеркам. — Дорога совсем плохая, лошадь мою тоже пожалейте...

Оставленный посреди равнодушной природы, Михаил взглянул вперёд, понимая, что теперь предстоит пройти два километра унылой влажной земли, покрытой глинистой жижей и зарослями кустарника. Времени не оставалось, ждать бесполезно, больной нуждался в нём немедленно.

Собрав волю, он двинулся вперёд, крепко прижимая медицинскую сумку к груди. Ноги сразу увязли в густой жиже, руки стали промозглыми, сердце билось тревожно, предчувствуя неизвестность. Вода давно просочилась в через подошву левого сапога, делая шаги громоздкими и тяжеловатыми. Каждый новый миг приносил новые испытания: резкий ветер швырял холодные капли ему в лицо, вынуждая шуриться

и ёжитья от раздражения и тревоги.

Но желание помочь победило любые трудности. Врач упорно шёл вперёд, считая себя обязанным дойти. Наконец впереди неясно замаячил смутный контур особняка, будто затаившийся в тени деревьев. Через некоторое время он подошёл вплотную к массивному крыльцу и неуверенно постучал в железную дверь.

Через минуту-другую створка тихо приоткрылась, и из-за нее выглянуло бледное женское лицо с тревожным выражением. Увидев совершенно промокшего посетителя, девчонка лет восемнадцати охнула и поспешно впустила его внутрь, закрывая дверь и избавляя наконец несчастного путника от назойливого дождя.

За дверьми гостеприимства звучал приглушённый разговор и мелькали слабые отблески свечей, обещавшие покой и долгожданное спасение от тягостной дороги.

Войдя внутрь, Михаил почувствовал запах пыли и старой мебели, смешивающийся с ароматом цветов, расставленных повсюду в массивных вазах, видимо, для оживления атмосферы. Однако даже розы выглядели унылыми и печально свешивали лепестки, точно утомившись жить среди стольких реликвий прошлого.

Стены украшали портреты предков хозяина, написанные мастерами давно минувших эпох. Удивительно, но каждый портрет смотрел на гостя взглядом таким подозрительным, будто именно Михаил виноват в нынешнем состоянии обитателей особняка.

По всему дому были разбросаны странные предметы, свидетельствующие о прежнем богатстве хозяев: бронзовые подсвечники, покрытые слоем грязи, громоздкая мебель с облезлой кожей, антикварные часы, издававшие невнятные хриплые звуки, вероятно, от старости и плохого ухода.

Отдельное внимание привлекал огромный письменный стол, заваленный бумагами и канцелярскими принадлежностями разных времен. Перья стояли рядом с шариковыми ручками, старинные чернила соседствовали с современной клеящей лентой, создавая впечатление, что хозяин никак не мог определиться, каким веком пользоваться.

В гостиной висело зеркало, покрытое пятнами и царапинами, отчего отражение выходило кривое и нелепое, точно оно тоже решило поучаствовать в веселье, предложенном обстановкой дома.

Немытые окна пропускали тусклый свет улицы, придавая

интерьеру оттенок заброшенности и уныния. Кажется, дом сам ощущал свою ненужность и отказывался бороться с течением времени, предпочитая тихо увядать в ожидании лучших дней, которые вряд ли вернуться.

— Когда же здесь последний раз наводили порядок? — внезапно заинтересовался доктор, склонившись ближе к своей спутнице-служанке.

— Да вот ведь буквально недавно мы тут всё начисто драили, блеснуть стало аж глазам больно, — оправдываясь, прошептала девушка, смущённо мнущая чистый накрахмаленный фартук. — А теперь глядите-ка: пыль опять осела, прямо как песок разбросали...

Михаил поднялся по лестнице, ведущей в спальню госпожи, решительно переступив порог спальни. Воздух здесь словно застыл, превратившись в ледяной туман, несмотря на пламя свечей и затухающего камина, слабо искрящегося оранжевыми бликами. На постели, утонув в груде пуховых одеял, неподвижно покоилась женщина. Лицо её казалось восковым, глаза отражали ужас и невыносимую муку.

— Позвольте спросить, почему врача пригласили лишь сейчас? — резко начал Михаил, сбрасывая намокшую шинель, громко хлопнувшую о пол. Ткань обвила собой паркет,

оставляя грязные следы.

Мужчина, похожий на потерявшего ориентир путника, взволнованно топтался поблизости, бессильно сжавшись в комок сомнений.

— Уже несколько часов продолжаются муки... Крики стали тише, но плод всё не выходит наружу... Любанюшка вся в крови... — выпалил хозяин дома, растерянно взглядывая на врача покрасневшими глазами.

Медик наклонился к роженице, пристально изучая её состояние: пульс бился часто и беспорядочно, лоб покрылся мелкими каплями холодного пота. Родовая деятельность шла тяжело, угрожая здоровью обеих сторон конфликта. Время неумолимо замедлялось, превращаясь в бесконечную пытку ожиданием развязки.

Комната наполнилась тяжёлым дыханием и сдавленными стонами. Каждое восклицание женщины отзывалось острой болью в груди доктора. Дом сотрясался от ветра, завывающего снаружи, вторя тревоге и напряжению, царившим в стенах спальни. Врач старался оставаться спокойным, однако внутренне ощущал холод страха и бессилия.

Минуты тянулись бесконечно долго. Рубашка Михаила

промокла от пота, руки дрожали от утомления и тревоги. Его опыт не мог спасти положение, природу нельзя было одолеть человеческой волей.

— Больше сил моих нет... спасите меня...

Взгляд Михаила остановился на лице женщины, такое юное и незрелое, что сразу бросилось в глаза своей контрастностью с мужским обликом супруга, скорее походившим на офицера в отставке, нежели на молодого любовника. Чуть ли не девочка, всего восемнадцать-девятнадцать годов, хрупкое создание с нежными чертами лица, мягко переливающимися волосами и выражением глаз, словно она впервые осознаёт, насколько жестоко бывает материнство. Вероятно, подумал врач, старый кавалер вспомнил романтику молодости и решил сыграть последнюю партию любви, выбрав спутницу жизни значительно моложе себя, едва успевшую покинуть школьные стены.

Михаил наблюдал за молодым телом, осознавая, что сложность родов обусловлена недостаточной зрелостью организма, ведь роды — дело непростое даже для опытных матерей, а здесь имела место первая попытка стать матерью в нежном возрасте. Узкий таз и неподготовленность тела также играли свою роль, усложняя процесс появления нового существа на свет.

Его мысли прервал слабый стон роженицы, напомнивший врачу о профессиональной ответственности. Глядя на трепещущую девушку, он внутренне осознал, насколько серьёзно сложилась ситуация. Но как бы ни усложнял положение возрастной дисбаланс супругов, главная задача оставалась ясна: спасти жизнь обоих участников драмы.

Её голос ослабел почти до шёпота, полный муки и отчаяния. Измождённые пальцы царапали простыню, оставляя глубокие следы ногтей.

Доктор понимал необходимость срочных действий. Обращаясь ко всем окружающим, призывал их набраться мужества и поддерживать женщину духовно. Служанка поспешила подать тёплый компресс и воду, стараясь смягчить тяжесть тревожных минут.

Но силы природы оказались непреодолимы. Шорох дождевых капель переплетался с сумеречными тенями, создавая ощущение рокового предопределения. Словно игра судьбы, проверяя твёрдость сердца юного лекаря.

И тут одна из теней, отбрасываемых деревьями за окном, неожиданно, подобно кошачьей тени, стремительно мелькнула рядом с постелью рожавшей и скрылась под кроватью.

— Когда вы говорите делали уборку?

Навязчивый вопрос доктора на этот раз заставил служанку окончательно растеряться. Испуганно оглядываясь на сурового хозяина и робко косясь на окружающих слуг, бедняжка лишь бессмысленно моргала и беззвучно шевелила губами, пытаясь что-нибудь выговорить.

— Послушайте-ка, что это значит? — вмешался полковник, стремясь спасти репутацию дома. — Мы обратились к вам как к специалисту по акушерству, а вовсе не по вопросам санитарии! Извольте заниматься делом, а не строить предположения относительно состояния моего жилища! Иначе, честное слово, завтра утром вся округа услышит истории о вашем непрофессионализме!

— Всем выйти отсюда немедленно, — распорядился Михаил Афанасьевич твёрдо и властно. Голос его зазвенел металлическими нотками, вызывая уважение и подчинение.

Вид начальства мгновенно окрасился багровым цветом, лицо стало похоже на приготовленный к взрыву паровоз, но дальнейшее сопротивление оказалось невозможным. Врач, действуя быстро и чётко, приблизился к группе гостей и весьма убедительно вытолкал их за пределы спальни. Ко-

гда коридорная тишина вновь установилась, Михаил Афанасьевич привычным движением повернул замок и откинулся спиной к стене, прикрыв глаза рукой.

— Ну вот, разве этого мне сейчас не хватало, — процедил он сквозь зубы, прислушиваясь к возбуждённым выкрикам хозяина за закрытой дверью: — Немедленно извещаю милицию! Что вообще творится в моём доме? Где ребёнок, наконец?

Открыв глаза, доктор равнодушно посмотрел на свой старый кожаный саквояж и спокойно заметил:

— По моим наблюдениям, событие произойдёт нескоро...

Михаил Афанасьевич мягко опустился коленями на пол, развязал тесёмки своего вместительного саквояжа и стал извлекать из него предметы, один загадочнее другого. Один взгляд на инструменты позволял утверждать твёрдо: медицина тут совершенно ни при чём. Там обнаружили пухлятые стеклянные флаконы с яркими растворами цвета мёда и крови, кожаная перевязь с потертыми ножнами, рассчитанными на внушительный клинок, миниатюрные лаковые шкатулки с порошком ароматного табачка. Самым необычным предметом оказалась рукоять меча, не имеющая самого клинка, однако с причудливым эфесом, сделанным по подобию коз-

линого черепа. Этот необычный инструмент доктор прицепил рогами за ножны, сразу же надев пояс себе на талию.

Затем Михаил Афанасьевич неспешно приступил к изучению жидкостей. Открывая пузырек за пузырьком, врач, подобно опытному парфюмеру, глубоко втягивал ноздрями воздух, морщась и покачиваясь из стороны в сторону. Наконец выбрав подходящий сосуд, Михаил Афанасьевич сделал два осторожных глотков прямо из горлышка, затем опрокинул половину второго пузырька и, осторожно высыпав немного золотистого порошка из маленькой шкатулки себе на раскрытую ладонку, мощно выдохнул струёй воздуха, отчего волшебная пыльца поднялась лёгким облачком и стремительно заполнила комнату.

И вот картина ожила удивительным образом: прекрасные картины растворились, стены стали прозрачнее утреннего тумана, мебель начала истончаться, а земля под ногами грозила уйти в пустоту. Чёрная пещера возникла буквально в нескольких шагах от постели пациентки, дыша ледяной сыростью и запахом давно умерших тел. Тьма напозла, поглотив пространство, оставив лишь слабый отблеск над кроватью, где несчастная мать широко раскрыла глаза от ужасающего зрелища.

— Какое имя задумали для ребёнка? — обратился к жен-

щине Михаил Афанасьевич самым обычным голосом, будто ничего особенного вокруг не происходило.

— Тимофей... — ответила больная слабым шёпотом, едва шевеля запекшимися губами. — А ежели дочь выйдет, то Лизой величать станем...

Доктор неожиданно улыбнулся, слегка кивнув головой и подмигивая глазами, будто видел перед собой малолетнюю проказницу, проговорившую неприличное слово.

— Да-а, новая мода пошла: заранее имена выбирать младенцам, ещё не рождённым... — пробормотал он, изучающе осматривая зловещую тьму пещеры. — Им теперь проще искать ребятишек станет по имени-то... Но не беда, попытаемся справиться!

Сказавши это, Михаил Афанасьевич решительно подошёл к самому краю тёмной бездны и, уверенно шагнув вперёд, мгновенно скрылся из виду, будто прошёл сквозь толщу земли.

2

Ступив ногой в черноту провала, Михаил Афанасьевич оказался в ином мире, крошечной тьме, наполненном гулкими звуками, эхом разносящимися среди высоких сводов подземелья. Крошечные огоньки мерцали повсюду, светясь изнутри мрачных коридоров, уходящих вдаль бесконечными туннелями. Здесь царили хаос и разрушение, камень стен шелушился и крошился, обнажая причудливые трещины, похожие на знаки древнего алфавита.

По мере продвижения вперед Михаил почувствовал, как холодный ветер обдувает лицо, проникая сквозь одежду и заставляя кожу покрываться мурашками. Стены дрожали, содрогались и корёжились, будто само пространство здесь постоянно пульсировало жизнью.

Перед ним простирался лабиринт хмурых тоннелей, извинаясь и переплетаясь, создавая иллюзии пространства и времени. Свет факелов отражался от каменных поверхностей, порождая жуткие тени, скачущие вдоль узких проходов, заставляя сердце Михаила учащённо забиться.

Но больше всего пугало присутствие обитателей этого ми-

ра. Из теней выходили призрачные фигуры демонов, существа огромного роста, покрытые чешуёй и шипами, движущиеся почти незаметно, скользящие по камням легчайшими движениями кошачьих лап. Их красные глаза внимательно следили за человеком, излучая нездоровое сияние, холодное и враждебное одновременно.

Они говорили тихими голосами, звучащими в голове Михаила, нащёптывая ему неясные угрозы и обещания, заманивая глубже в этот ад. Однако врач остался непоколебим, зная свою цель и её важность. Медленно двигаясь дальше, он продолжал наблюдать за существами, сохраняя спокойствие и сосредоточенность.

Наконец путь привёл его к огромной двери, покрытой резьбой, изображающей сцены пыток и страданий. Дверь была закрыта наглухо, преграждая дальнейший путь. Михаил вытащил небольшую фляжку из кармана и, открыв её, плеснул жидкостью на замок. Тот немедленно затрещал и рассыпался пылью, освобождая дверь, ведущую в главное помещение подземного царства.

За дверью открылся огромный зал, заполненный потоками дыма и огня, танцующими языками пламени и клубящимися серными испарениями. Тут находились главные повелители ада, восседающие на огромных тронах, окружён-

ные сонмом прислужников и стражей. Их лица выражали нескрываемую злость и недовольство появлением чужака.

Но Михаил не дрогнул, стоя твердо и спокойно посреди зала, готовый встретить любую опасность лицом к лицу.

Вокруг него начинали сгущаться темные силы, собираясь нанести удар, однако Михаил оставался невозмутим, готовясь исполнить своё предназначение.

Михаил Афанасьевич незаметным движением вытащил из нагрудного кармана жилетки часы на цепочке. Половина второго. Врачу осталось чуть больше получаса, чтобы найти демона, пленившего дух ребёнка. После доктор станет видимым и уязвимым для демонов. Уйти без драки не получится...

- Тимофей! - крикнул Михаил Афанасьевич, и его криком эхом рассеялся по залу. — Лиза! Пора домой!

Михаил Афанасьевич быстрым взглядом окинул просторную комнату, стремясь заметить любые следы присутствующего поблизости духа девочки. Воздух наполнился тонким звоном, похожим на мелодичный перезвон хрустальных колокольчиков. Рядом стоящий демон издал громкий смех, демонстрируя ряды острых акульих зубов и зелёные языки пла-

мени, вспыхивающие внутри его пасти.

— Вот же она! — взвыл доктор внутри себя, чувствуя напряжение каждой мышцы своего тела, жадно вслушиваясь в шорохи мрачного подземелья. Из тьмы замелькали едва уловимые блики, постепенно складывающиеся в силуэт маленького существа, дрожащего и испуганного. Хрупкая фигура ребёнка робко прижалась к ледяной стене древнего зала, слабым серебряным свечением отражаясь среди хаоса теней.

Монстр, почувствовавший взгляд Михаила, тут же направил против ребенка жуткого зверя, наполовину змия, обвиняемого колечками вокруг детской фигуры. Дитя отчаянно извивалось, пытаясь вырваться из хватки, зовущего взглядом помощь.

Доктор ринулся вперёд, подняв обе руки, словно собираясь принять первый удар. Но враг успел бросить ещё одно порождение преисподней — тварь, подобную дракону с мордой старого шамана, покрытого сединами и морщинами, чей единственный глаз горел алчным пламенем зла. Однако Михаил оказался быстрее, ловко уклоняясь от смертельного удара. Одним быстрым движением рука потянулась к поясу, извлекая рукоять оружия. Едва соприкоснувшись с ладонью мастера, оно вспыхнуло ярким светом, превращаясь в волшебный клинок света.

Движимый решимостью спасти девочку, Михаил обрушился всей мощью своей атаки на мерзкое чудище. Яркий рубящий удар рассёк тело твари, осветив помещение мгновенным белым всплеском энергии, заставляя противника дрогнуть. Между тем третье создание набросилось с ужасающей быстротой, намереваясь поразить героя сзади. Свет клинок вновь засиял глубоким лазурным цветом, пульсируя энергией древней магии. Отточенный жест послал волну резонанса, прогремевшую подобно залпу могучего орудия и откатив монстра обратно в бездну мрака.

Теперь путь к девочке был открыт. Врач стремительно приблизился, мягко притянув малышку к груди, чувствуя тепло нежного детского тела сквозь ткани одеяния. Силуэт девочки проступал всё яснее, принимая чёткость очертания. Обнимая ребёнка одной рукой, Михаил повернулся и устремился прочь из пещеры, пересекая завесу тёмного портала, выводящего из опасного места.

Враг молчаливо наблюдал за отступлением героев, тихо шипя проклятия, пока стены древнего святилища скрывали беглецов навсегда.

Возвращение обратно стало настоящим испытанием, проходящим сквозь мрак запутанных коридоров подземелья.

Лабиринты туннелей простирались бесконечно, заставляя сердце бешено колотиться от напряжения. Каждый шорох становился угрозой, каждая тень скрывала неизвестность.

Откуда-то издалека раздался тихий скрипучий шум шагов демонических созданий, топаящих своими тяжелыми конечностями. Они преследовали Михаила, стремясь загнать в угол и уничтожить вместе с маленьким ребенком, находящимся в его объятиях. Шаги раздавались буквально повсюду: сзади, впереди, слева и справа, эхом повторяясь от стен и потолка. Ужасающие хриплые голоса вторили друг другу, усиливая ощущение нависшей угрозы.

И вдруг... откуда ни возьмись, появились огромные чёрные крылья гигантских теневых созданий, наполняющих пространство полётом тяжёлых ударов воздуха. Эти тёмные духи хлопали огромными кожистыми крыльями, вызывая ветер, будто бы волнами швыряемый в лицо, мешая видеть дорогу вперед. Михаил чувствовал себя пленником чужой воли, вынужденным постоянно смотреть вверх и следить за опасностью, исходящей от врагов, парящих высоко над ним.

Карманные часы неумолимо тикали, отсчитывая секунды. Осталось всего двадцать минут — срок окончания чудодейственного эффекта лекарства, позволявшего доктору временно противостоять силам Тьмы. Если защита прекратит-

ся раньше, последствия будут необратимы. Нужно успеть добраться до выхода прежде, чем воздействия солнечных снадобья иссякнут окончательно. Михаилу приходилось действовать решительно и быстро, ведь каждый неверный шаг грозил смертью обоим путникам.

Подземелье представляло собой настоящую головоломку, и каждая попытка выбрать правильный путь заканчивалась возвращением обратно в глубь лабиринта. Чувствуя отчаяние, Михаил услышал мягкий женский голос, повторяющий имя девочки: «Лиза...» Эхо голоса проникло в сознание Михаила, указывая верный путь.

Следуя голосу, врач устремился вперёд, преодолевая трудности и препятствия. Времени практически не оставалось, и Михаил чувствовал нарастающее напряжение. За считанные секунды он достиг выхода, ведущего наружу. Потратив последние силы, Михаил вскарабкался по выступам камней, поддерживаемый энергией своего светящегося клинка, и выбрался наверх, ощутив свежий воздух и знакомый запах горящих свечей.

Несколько мгновений спустя Михаил очутился в знакомой спальне, бережно уложив ребёнка на материнские объятия. Армада демонов осталась позади, безуспешно сотрясая своим гневом. Женщина же в адской боли выгнула спину и

разразилась криком. Через мгновение её крик прервал другой: первый крик родившегося младенца.

«Здравствуй, Лиза», — сказал Михаил, обращаясь к девочке. — «Ты дома, дорогая моя. Мама ждёт тебя».

Резкий звук милицейского свистка внезапно вернул доктора Бурлакова к действительности. Тяжёлый топот сапог возвестил, что к дверям комнаты приближается целая группа блюстителей порядка. Из глубины дома звучали истошные вопли владельца квартиры:

— Там заперся этот прохвост с моей супругой! Ребёнка всё ещё не видно! Ах, мошенник проклятый!

Михаил Афанасьевич заторопился. Метко расшвыривая предметы своего магического ремесла по объёмистому саквоюжу, доктор торопливо натянул шинель и начал нервно метаться среди мебели. Дверь резко сотряслась от ударов сразу нескольких тяжёлых ног.

— Сюда скорей!

От нечаянного женского голоса, прозвучавшего откуда-то снаружи, доктор невольно подпрыгнул. Подбегая к открытому окну, он распахнул ставни и впустил в помещение сырую

ночную влагу. Кружащие шторы взвились подобием ветрил. За окном неожиданно возникла небольшая пролетка, слегка покачиваясь в воздухе. Вместо положенной лошади её тянули невидимые силы, будто бы таинственный конь принял образ невидимого крылатого существа и теперь поднимал повозку высоко вверх. Но ни одной живой лошади рядом не наблюдалось.

Повозка повернула прямо к окну, изящная дамская ручка, облачённая в длинную белоснежную перчатку, призывно стукнула по свободному месту на сиденье экипажа. Доктор быстро вскочил на широкий подоконник и смело бросился навстречу призрачной карете.

В тот самый миг, когда ноги его покинули подоконник, массивная дверь окончательно рухнула внутрь помещения, и в комнату хлынула толпа милиционеров.

3

В Петрограде всё вокруг дышало тишиной и покоем, даже воздух казался неподвижным, лишь редкие прохожие нарушали гармонию, поднимая облако пыли своими тяжёлыми ботинками. Над городом повисло тяжелое покрывало тумана, густого и влажного, как старый кисель, и казалось, что весь мир окутан загадочной завесой, скрывающей тайны прошлого и будущего.

Медицинский институт на Васильевском острове выглядел особенно внушительно среди прочих зданий города. Строгие линии фасада подчёркивали важность науки, призванной лечить недуги человечества. Огромные двери распахнулись перед студентами, собравшимися послушать лекцию известного преподавателя, молодого врача Михаила Афанасьевича Бурлакова.

Внутри царил особый дух сосредоточенности и учёности. Тишину нарушал лишь редкий скрип сапог и шёпот беседы двух студентов, переговаривающихся вполголоса о результатах вчерашнего экзамена. Аудитория представляла собой странное сочетание лаборатории и театра: большие столы стояли рядами, расставленные инструменты сверкали ме-

таллическим блеском, деревянные панели покрывали стены, придавая помещению солидность и торжественность.

Наконец дверь открылась, и Михаил Афанасьевич вступил в комнату. В белом халате, застёгнутом до последней пуговицы, он походил скорее на артиста сцены, нежели на простого врача. Высокий рост, тонкие черты лица и выразительные глаза делали его похожим на героя романа, написанного рукой мастера художественного слова.

Взяв в руки карандаш, он решительно обратился к студентам:

— Господа студенты, приступаем к изучению области науки столь деликатной, сколь и жизненно необходимой. Я говорю о геникологии, которую многие почему-то стесняются назвать вслух, хотя каждому врачу рано или поздно придётся иметь с ней дело. Так вот, господа, пусть вас не смущают профессиональные трудности и специфический лексикон, которыми изобилует эта отрасль медицины. Запомните одно простое правило: природа пола требует уважительного отношения и точного понимания. А потому мы будем изучать строение женской репродуктивной системы и патологические процессы, которые порой возникают там, куда лучше всего заглянуть вооружённым глазом профессионала. Итак, прошу внимания, дорогие коллеги, давайте вместе откроем

тайну сей загадочной сферы человеческого тела!

Михаил развесил на гвоздях анатомические плакаты с изображением внутреннего строения женского организма, превратив аудиторию в оживший улей.

— И кстати говоря, студентки, будьте добры соблюдать приличия и помнить о своём предназначении будущих врачей, а не шептаться и хихикать в сторонке, глядя на иллюстрации учебника анатомии, — улавливая атмосферу, заявил врач. — Уверяю вас, физиология женского организма заслуживает уважения не меньше мужской. Что касается ваших коллег-мужчин, позвольте напомнить вам старинную врачебную мудрость: врач, игнорирующий половые различия пациента, подобен человеку, пытающемуся построить дом без фундамента. Поэтому изучайте внимательно материал, запоминайте каждую мелочь и относитесь серьёзно ко всему, что услышите сегодня на лекции. Помните, господа, пациентки ждут от вас квалифицированной помощи, а не неумелого вмешательства и уж тем более неуместных шуток. Будьте внимательны и серьёзны, ибо профессия врача предполагает ответственность и глубокое знание предмета...

— Верно ли утверждение, господин доктор, что женщина способна забеременеть исключительно силой воображения? — тихо осведомилась одна девушка, вызвав взрыв весёло-

го хохота в аудитории. Студентка мгновенно вспыхнула румянцем и торопливо добавила: — То есть, понимаете, вся картина беременности присутствует: форма живота меняется, тошнота мучит, даже кажется иногда, что ребёнок внутри двигается, а впоследствии оказывается, что всё это плод фантазий самой особы...

Михаил Афанасьевич усмехнулся, внимательно осмотрел зал и легонько хлопнул руками по поверхности стола:

— Извольте запомнить, юные друзья мои, фантазии в медицине бывают весьма забавны, однако реальность гораздо прозаичней. Если хотите представить себя будущими мамашами — пожалуйста, ваше право, лишь бы только зачёты сдавали вовремя и с полным пониманием предмета. Давайте-ка начнём урок...

Его речь проникала в сознание слушателей, вызывая улыбки у одних и напряжённое внимание у других. Но никто не отважился прервать лектора вопросом или репликой. Только скрежет карандашей по бумаге свидетельствовал о глубоком уважении к профессору и интересе к предмету.

Вот так прошла очередная лекция в знаменитом институте, подарившая будущим врачам необходимые знания и опыт, позволившие им стать настоящими профессионалами своего дела.

Завершив лекцию, Михаил Афанасьевич покинул аудиторию, чувствуя приятную усталость и удовлетворение выполненным долгом. Выходя из университета, он оказался вновь в знакомом тумане, густом и плотном, словно жидкое варежье. Свежесть осеннего вечера бодрила и заставляла вспомнить молодые годы студенчества, проведённые именно здесь, в стенах родного института.

Но впереди ждал обычный рабочий день: пациенты, консультации, операции... После короткого отдыха дома врач отправился в клинику, расположенную неподалёку от Невского проспекта. Там ждали больные, нуждающиеся в помощи специалиста.

Обстановка клиники отличалась простотой и скромностью: маленькие кабинеты, украшенные лишь портретами известных врачей и медицинскими плакатами, узенькие коридоры, пахнувшие дезинфекцией и лекарствами. Всё говорило о будничности медицинской практики, лишённой пафоса и показухи.

Пациентка первой вошла в кабинет — молодая женщина, страдающая непонятной болезнью. Её жалобы были привычными: слабость, головокружение, боли внизу живота. По словам женщины, беременность, шестой месяц. Врач тер-

пеливо выслушивал её рассказы про участвовавшие ночные кошмары, доводчик до того, что бедолага днём слышала в комнате плач ребенка. Так проходили часы, каждая пациентка приносила новые проблемы, требующие внимания и решения.

Вечером, завершив приём будущих мамочек, Михаил Афанасьевич вернулся домой усталым, но довольным проделанной работой. Ужинал он быстро, закусывая пирожками с капустой и выпивая стакан крепкого чая. Затем брал книгу, чаще всего медицинскую литературу, и углублялся в чтение, стараясь почерпнуть что-то новое и полезное для своей профессии.

Время от времени его мысли возвращались к прошедшему дню, воспоминания всплывали яркие вспышки: выражение лиц пациентов, звучание голосов коллег, дыхание старого города, окружавшего его жизнь. Эта повседневность, простая и понятная, наполняла сердце спокойствием и уверенностью в правильности выбранного пути.

И так проходил день за днём, неделя за неделей, год за годом. Жизнь шла своим чередом, даря радость труда и удовлетворения от сознания собственной нужности людям.

Комната молодого врача приютилась в сырых потёмках

огромного петербургского подвала, словно краб в прибрежной пещере. Низкие потолки и крошечные оконца, упирающиеся чуть ли не в подошву улицы, создавали иллюзию вечного подземелья, где даже дневной свет стеснялся показаться.

Простор помещения ограничивался одним большим квадратом, куда уместились самые нужные вещи: деревянная кровать, прикрытая стареньким одеялом, маленькое зеркало в трещинах, шкафчик с аптечными пузырьками и самодельными настояниями, да старая железная печь-буржуйка, неизменно служащая центром всей комнатной вселенной.

От печи тянулись волны тепла, похожие на солнечный луч в пасмурный день. Запах берёзовых дров приятно щекотал ноздри, перемешиваясь с ароматами медицинских препаратов, исходящими от множества коробочек и баночек, аккуратно выстроенных на соседней полочке.

Маленький столик, обитый чёрной клеёнкой, служил и рабочим местом, и столовой, и библиотекой. На нём примостились железная посуда, начатая банка с консервированными огурцами, куча бумажек с рецептами и потёртые медицинские журналы, дожидаящиеся прочтения.

Здесь Михаил Афанасьевич мог позволить себе рассла-

биться, сбросить груз университетских обязанностей и профессиональных проблем. Именно тут, согрешившись теплом буржуйки и напитавшись крепким чаем из жестяной кружки, родился замысел первого рассказа, где отразилось многое из пережитого им самим: абсурдность реальности, драматизм человеческих судеб и простота повседневной жизни, превращённая искусством писателя в драгоценный камень русской литературы.

Да, Михаил Афанасьевич творил. Скрытно творил, украдкой записывая сюжеты в своём служебном кабинете, пряча листы бумаги под кипой учебников и протоколов. Даже в своём подвальном жилище он продолжал писать ночами напролёт, испуганно оглядываясь по углам, словно боялся внезапного вторжения читателя-преследователя.

Написанное утром сжигалось вечером. То, что днём ранее представлялось гениальным откровением, теперь казалось нелепым бредом. Бумага тихо потрескивала в пламени буржуйки, распространяя специфический сладковатый дым, напоминающий горькую правду творчества.

«Ну и ерунда какая!» — ворчал Бурлаков, помешивая огонь длинной кочергой. Из пепла выскакивали искры, напоминая бессмысленно потерянные буквы текста. «Сказки какие-то... Никому не интересные сказки...» — размышлял

он вслух, наблюдая, как огонь пожирает плоды его вдохновения.

Иногда он чувствовал себя безумцем, придумывающим несуществующих героев и невероятные события. Тогда внутренний критик просыпался, давая волю сомнениям: «Вы, дорогой мой товарищ Бурлаков, сошли с ума окончательно. Вам прямая дорога в сумасшедший дом, в лечебницу для душевнобольных».

Однако всякий раз, когда рука бралась за перо снова, вдохновленный новым сюжетом, новый герой оживал на страницах. Вот так, сражаясь с собственными демонами и мучительными переживаниями, Михаил Афанасьевич шёл вперёд, приближаясь к своему литературному триумфу, хотя сам пока об этом не догадывался.

А ещё были внешние демоны...

4

Деревня, спрятанная среди мрачных северных лесов, жила тихой жизнью, редко нарушаемой чужеземцами. Люди трудились в полях, ходили в церковь и старались избегать разговоров о запретных вещах. Тем не менее рассказы бабушки о злой старухе Бабе-Яге засели в детской голове почти до совершеннолетия. В тех историях горбатая старуха с клыками крала непослушных детей, варила их в котле, а черепа насаживала на забор.

Первая встреча с демоном произошла, когда Мише исполнилось пять лет. Ночью, проснувшись от тревожного сна, он заметил неясную фигуру в углу спальни.

Сквозняк тихо шептался с ночными тенями, расплзаясь зловещими клубами по комнатам старого дома. Мише казалось, что даже часы стали тикать тише, опасливо боясь нарушить тишину ночи.

Проснувшись внезапно, точно толкнули невидимой рукой, он почувствовал тяжесть чужого взгляда, прожигающего затылок. Осторожно повернув голову, мальчик встретился взглядом с чёрным силуэтом, похожим на фигуру огром-

ного мужчины. Его лицо было скрыто тьмой, лишь два больших красных глаза сияли огненными угольками, притягивая взгляд гипнотически и устрашающе одновременно.

— Кто... кто ты? — прошептал Миша дрожащим голосом.

Высокий незнакомец молчал, изучающе рассматривая ребёнка, словно взвешивал каждую деталь его облика. Но вот тени вокруг закружились, заполнив комнату странным движением, будто исполняя танец призраков. Чернота фигуры стала ещё гуще, темнее, почти осязаемее, покрывая стены комнаты подобно паутине.

Наконец существо заговорило низким гулким голосом, эхом отдающимся в ушах и сердце мальчика:

— Ты нас видишь?

Вопрос прозвучал скорее поражённо, нежели угрожающе. Однако холодком покрылась спина Мишиной шеи, волосы встали дыбом, дыхание застряло в горле.

Откуда-то издалека раздались шаги, стукнула дверь, и комната снова погрузилась в полутьму, освобождая пространство от движущихся теней. Чёрный силуэт исчез, оставив лишь запах серы и чувство глубокого беспокойства.

«Они меня видят...» — подумал Миша, содрогаясь, укрывшись одеялом, чувствуя, как пульсирует страх внутри него, растекается холодной волной по жилам, медленно погружая сознание обратно в сон, полный кошмарных образов.

И вновь ночь наполнилась шёпотом незримых существ, чья тайна теперь была известна мальчику.

Родители списали случившееся на детский страх и успокаивали его ласковыми словами, уверяя, что ничего подобного больше не произойдёт. Но спустя два года, когда мать Михаила оказалась беременной, ночное чудовище вернулось.

Ночь была морозной и ветреной. Мать кричала от боли, отец метался по дому, не зная, как ей помочь. Девять месяцев ожидания заканчивались трагедией: роды шли трудно, ребёнок никак не появлялся на свет. Отец позвал священника, который попытался изгнать зло молитвой, но ничто не помогало.

Миша стоял в полутьме коридора возле чуть притворенной двери и застыл, парализованный ужасом, видя зрелище столь гнусное, сколь фантастическое: страшилище, похожее на исполинскую лохматую жабу с отвратительными клы-

ками, приклеилось своими скользкими пальцами к высокому белёному потолку комнаты и распахнуло огромную зловещую пасть прямо над постелью больной матери. Из уст несчастной женщины вырвался отчаянный нечеловеческий крик, словно поток отчаяния, меж тем розоватое облачко испарений поднималось из набухшего материнского чрева навстречу жадно раскрывающемуся рту монстра. Когда клубы таинственного пара исчезли внутри мерзкого существа, мальчик вдруг понял со всей очевидностью: младенец, едва зародившийся в утробе, перестал существовать ещё до своего появления на свет. Последнее впечатление этого жуткого момента навечно запечатлелось в душе Мишиной, оставляя неизлечимую рану страха и мучительных воспоминаний на всю последующую жизнь.

Казалось бы, память детства давно стерлась, осталась лишь смутная тень воспоминаний о таинственных видениях. Повседневная жизнь студента-медика заполнила голову профессиональными делами, диагнозами и исследованиями. Лишь иногда ночной кошмар о демоне-творце возрождал в душе мимолетный испуг.

Но однажды, прогуливаясь по улице поблизости от родильного дома, Михаил ощутил странное беспокойство. Воздух внезапно похолодел, волосы встали дыбом, кожа покрылась мурашками. Подняв глаза, он увидел странное зрелище:

над крышей больницы клубились тени, похожие на растрепанные тряпичные крылья, кружась в хаотичном танце.

Сердце учащенно забилося, ноги сами понесли юношу внутрь здания. Преодолевая сопротивление сердитой гардеробщицы, Михаил поспешил на третий этаж, откуда раздавались истошные крики и рыдания.

Коридор встретил его ледяным воздухом и абсолютной темнотой. Едва различимый голос малыша прорезал тишину, прерываемую диким хохотом. Михаил остановился, пытаясь разглядеть источник шума. Наконец, из-за угла возникла огромная тень, высокая и стройная, словно сама ночь воплотилась в человеческое подобие.

Это был он — тот самый демон, увиденный ребёнком в деревне. Рост существа достигал потолка, руки простирались ниже колен, заканчиваясь длинными крючковатыми пальцами. Вместо лица зияла пустота, не выражающая никаких эмоций. В руках тварь держала новорожденного ребенка, слабо пищущего и отчаянно сопротивляющегося.

Михаил сделал шаг вперед, готовый защитить малыша ценой собственной жизни. Демон повернул голову, обратив пустой взгляд на парня. От этого взгляда кровь застыла в жилах, разум утратил способность рассуждать здраво. Страх

парализовал мышцы, заставляя отступить.

Подобно нашкодившему сорванцу, собирающемуся получить тумачов от тяти, Михаил вжался в угол коридора и, закрыв голову руками, спустился по стене на пол. Ожидая, что демон переключится с ребенка на него, врач затаил дыхание.

Однако внезапный миг переменял всё навеки. За спиной загадочного черного мага раздался резкий женский голос и звякнул бич, пораженный ловким ударом змеящейся плетью. Подняв глаза, Михаил узрел изящную даму в осеннем пальто, уверенную и строгую, с длинной кожаной плетью, свернутой кольцом.

Резко размахнувшись, дама метнула плетть прямо в чёрного волшебника, чья кожа немедленно вспыхнула алым цветом, оставляя глубокие борозды крови. От боли монстр издал душераздирающий вой, моментально растворился в воздухе, обратившись дымком. Пространство озарилось ярким светом, младенец исчез в сиянии, промелькнул сквозь дверь операционной.

Опять настала гнетущая тишина, прерываемая лишь тихими ударами высоких каблучков женщины по мраморному полу. Она подошла ближе, присела возле доктора, внимательно рассматривая его лицо своими светлыми глазами.

— Ты всё это видел?

Её голос был ровен и тверд, холодная уверенность ощущалась в каждом слове.

Михаил чуть кивнул, поймав взглядом небольшую бумажку, упавшую неподалёку. Лист был покрыт странными знаками и четким адресом, написанным полиграфическим почерком.

— Завтра ровно в полночь придёшь сюда. Иначе так и будешь думать, что свихнулся...

Холодно усмехнувшись, женщина мягко отступила назад, её фигура скрылась в мрачной тени коридора.

Василий стоял на своём привычном посту возле подъезда дома номер семь по улице Садовой, держа метлу и ведро в руках. Его лицо было сурово и сосредоточенно, глаза смотрели прямо перед собой, словно всматриваясь в какую-то дальнюю перспективу, невидимую окружающим. Одевался он небрежно, старое пальто болталось на нём мешком, сапоги были стоптаны и покрылись слоем пыли, свидетельствуя о долгих годах службы на благо города.

Каждый день начинался одинаково: вставал рано утром, отправлялся на улицу, чтобы привести её в порядок, сметая мусор и грязь, оставленные ночными гуляками и случайными прохожими. Но делал он это не потому, что обязан был, а скорее по внутреннему убеждению, будто бы поддерживая порядок вокруг себя, он удерживал мир от хаоса и разрушения.

Нередко приходилось слышать его недовольный голос, раздававшийся среди утренней тишины, когда он обращался к соседям или прохожим с укоризненным видом: «Эй, товарищ, бросьте папиросу правильно, видите урну рядом?» Или же громким басом заявлял: «Здесь не свинарник, будьте

добры уважать общественный порядок!»

Иногда казалось, что Василий живет своей собственной жизнью, параллельной миру горожан, погруженный в собственные мысли и заботы, незаметно наблюдая за течением жизни вокруг него. Несмотря на свою неприметность, он играл важную роль в городе, сохраняя чистоту улиц и обеспечивая спокойствие жителей.

Но больше всего поражала его верность своему делу, постоянная готовность встать на защиту порядка и чистоты, независимо от обстоятельств. Именно эта стойкость и решительность делали Василия особенным человеком своего времени, символом простоты и честности, которого помнят и ценят даже спустя годы.

Однажды утром, открыв форточку панорамного окна своей тесной каморки в подвале, Михаил Афанасьевич увидел подошву больших мужских сапог. Окно располагалось близко к земле, и, глядя наружу, доктор обычно видел лишь ноги прохожих или колеса тележки молочницы.

— Василий Иванович, доброе утро, — приветливо обратился Михаил к своему знакомому дворнику, выглядывая из окна.

Тот мгновенно сел на корточки, вытянув шею, чтобы рассмотреть собеседника.

— Ах, господин доктор! — радостно вскрикнул дворник, поглаживая рукой своё красное, круглое лицо, напоминающее драную кошачью морду с реденькой бородёнкой. — Я уж подумал, что вы вовсе ушли отсюда. Может, найдется у вас капелька горячительного напитка для прогрева души в такую промозглую осеннюю погоду?

— Ну разве что керосин в моей лампе, — усмехнулся Михаил Афанасьевич, прекрасно понимая, какой напиток имел в виду дворник. — Впрочем, могу предложить чашечку чая.

— Чай, чай, конечно, чай! — поспешно согласился Василий Иванович, радуясь предложению доктора. — Вы же знаете, как приятно посидеть с вами и послушать ваши рассказы о работе и красивых женщинах!

Вскоре оба приятеля уютно устроились в небольшом подвальчике Михаила Афанасьевича, наслаждаясь горячим чаем и дружеским разговором. Доктор рассказывал анекдоты и медицинские случаи, вызывая смех у Василия Ивановича, а тот делился местными сплетнями и городскими новостями.

— А у вас тоже происходят такие странные происше-

ствия, как и везде в городе? — спросил дворник, отставив пустую кружку и доставая кисет с табаком.

Доктор машинально положил руку в карман жилета, намереваясь достать портсигар, но, вспомнив, что давно отказался от курения, снова налил кипятка в свою кружку.

— Какие именно происшествия? — насторожился Михаил Афанасьевич, смутно догадываясь, о чём пойдёт речь.

Василий Иванович ловко свернул газету в трубочку, набил её табаком и прикурил, выпустив облако едкого табачного дыма.

— Женщины рожают младенцев, а потом ребёнок исчезает без следа, словно испаряется. Уже и газеты пишут одно и то же, — сообщил дворник, трясая перед глазами врача зажжённую сигаретку. — Из роддомов дети пропадают целыми партиями. Что у вас творится? Такая же беда?

— Э... действительно, у меня недавно был подобный случай, — медленно признался Михаил Афанасьевич, вспоминая недавнюю ночную встречу с пациенткой, потерявшей ребёнка. — Мать родила здорового младенца, но спустя сутки он исчез, причём никаких следов похищения обнаружено не было. Похожие инциденты зафиксированы и в соседних

больницах города.

Василий кивнул, выпуская клубы дыма:

— Вот видите, какая-то эпидемия началась, необъяснимая. Надо бы полиции доложить, да кто поверит в такое? Ведь официальная версия всегда найдётся, а правды никто искать не станет.

Доктор вздохнул, соглашаясь с доводами друга. Действительно, объяснения официальных властей зачастую были поверхностными и недостаточными. Возможно, имело смысл начать собственное расследование, попытаться выяснить причину таинственных исчезновений детей.

Странные исчезновения младенцев стали настоящим испытанием профессиональных способностей и внутреннего покоя врача Михаила Афанасьевича. Случай за случаем поступали к нему женщины, лишившиеся новорождённых малышей буквально на второй день после родов, причём матери не видели похитителей и не замечали признаков взлома помещений.

Все эти обстоятельства напомнили врачу сцены из гоголевских и купринских рассказов, где реальный мир перемещивается с ирреальностью, грозящей уничтожить границу между нормой и чудом. Медленное углубление в проблему

породило у Михаила Афанасьевича подозрение, что корни бед лежат не в материальной сфере, а скорее связаны с действием потусторонних сил или влиянием непонятных современной науке процессов.

Он предпринял попытку проанализировать факты с позиций традиционной медицины, проштудировал специальную литературу, консультировался с известными коллегами, но каждый новый факт только увеличивал количество вопросов. Со временем Михаил начал сомневаться в своих возможностях и квалификации, испытывая желание привлечь помощь специалистов по паранормальным явлениям или исследователей аномалий.

Понимание, что данная ситуация превосходит возможности обычного врача, возбуждало и пугало одновременно. Появлялось чувство, что врач стоит на краю важного открытия, имеющего отношение к воздействию неведомых сил на человеческий организм. Жажда познаний толкала его вперёд, несмотря на угрозу утраты репутации и доверия коллег.

Таким образом, начался долгий путь поисков истины. Сперва это были научная работа и общение с признанными учёными, позже — встречи с людьми, склонными к изучению мистицизма и эзотерики. Любая свежая теория становилась очередной деталью пазла, ведущего к разгадке тайны.

Параллельно Михаил Афанасьевич осознавал, что никакие предположения не заменят личный опыт и прямой контакт с потерпевшими.

Следовательно, он посетил самые удалённые районы города, встретился с семьями пострадавших, внимательно выслушал их рассказы и задал десятки уточняющих вопросов. Шаг за шагом рисунок происходящего становился чётким, проявлялись связи и общие особенности трагедий. Оставалось собрать необходимые свидетельства и выстроить убедительную версию развития событий.

Эта исследовательская деятельность позволила Михаилу Афанасьевичу расширить представление о своей профессии и подвергнуть сомнению устоявшиеся взгляды на природу заболеваний и устройство организма человека. Открытие, сделанное врачом, могло кардинально изменить фундаментальные принципы научной концепции и открыть новую область знаний. Самое главное — сохранить трезвый ум и выдержку, идти к намеченной цели, не отступая перед преградами и трудностями.

Серия судорожных чихов рванула Михаила Афанасьевича из глубины мыслей, словно лопнувшую пружину часов, резко возвратив его в шумную атмосферу подвала. Пред ним предстал Василий, растерянно морщивший нос и корчив-

ший гримасы, будто ему внезапно плеснули полную ложку горьчайшего целебного сиропа.

Сделав отчаянный вдох, дворник выстрелил остаток сигареты в пространство, сопровождаемый мощным звуком:

— Апчхи!

От резкости кашля остатки воздуха покинули легкие, сделав Василия временно беззвучным, словно рыбу, выброшенную на берег моря. Его щёки вспыхнули ярким багровым цветом, словно помидорный соус, приготовленный мастером кулинарии. Напряжение внутри росло, усугубляясь цоканьем женского каблука, раздвигающимся по гулкому пространству подъезда.

Спустя миг наступила полная тишина, нарушаемая лишь скрипом паркета и тяжкими дыханиями обоих героев. Глаза дворника расширились от страха, словно маленькие прожекторы, направленные на дверной проем. Судорожно дёрнувшись, он обернулся на звук, напоминая собаку, поймавшую запах свежего мяса.

Михаил Афанасьевич, обеспокоенный поведением соседа, попытался спросить:

— Василий Иванович, что с вами случилось?

Но фраза осталась незаконченной, прерванной резким движением дворника, приподнявшегося на носки и устремившего взгляд в сторону лестницы. Раздался негромкий щелчок замка, и дверь медленно приоткрылась, впустив внутрь знакомую Михаилу Афанасьевичу девушку.

Впервые, такую, как сейчас, Михаил увидел Марго сразу же, как по визитной карточке связался с куратором клуба «Ночная гвардия». Девушка стояла на мостовой, изящно подняв взгляд на бледное северное солнце, которое робко пробивалось сквозь утреннюю дымку. Её густые тёмные волосы были аккуратно уложены в высокую причёску, украшенную несколькими жемчужинами, подчёркивая аристократизм облика. Простое, но элегантное платье цвета слоновой кости облегло фигуру, плавно ниспадая складками чуть ниже колен, открывая взглядам изящные ботинки на невысоком каблуке. Движения её были плавными и грациозными, будто каждый жест прошёл строгую школу воспитания.

Её речь была мелодичной и спокойной, едва уловимый петербургский выговор придавал ей особую утончённость. Говорила она негромко, с достоинством и уверенностью, каждая фраза звучала мягко и ясно, словно струилась из серебряного флейта. Обращаясь к собеседнику, смотрела прямо в глаза, давая почувствовать уважение и искреннее внимание. Манера держаться подчёркивала воспитанное благородство, стремление сохранять достоинство даже в самые непростые моменты жизни.

Марго посвящала Михаила Афанасьевича в тайны своего странного сообщества. Когда она поведала врачу историю Гильдии Охотников на Демонов, он счёл её рассказ плодом болезненного воображения сектантов-фанатиков. Лишь однажды, оказавшись свидетелем первой охоты, когда Марго повела его на охоту за обычной домово́й кикиморой, поселившейся на захламлённом чердаке старого дома, молодой доктор понял, что перед ним реальность, поражающая своей абсурдностью и невероятностью.

— Да это же настоящая чертовщина, — пробормотал тогда Михаил Афанасьевич, теряя дар речи и окончательно уверовав в существование невидимых существ рядом с людьми.

Но отношения внутри Гильдии складывались непросто. Мастер, соратник Марго, встречал доктора добродушной усмешкой и неизменно поручал ему задания в паре с бывшей ученицею. Однако стоило наблюдателю увидеть способности Михаила видеть истинную природу чудовищ, будто окутанных магическим покровом иллюзии, Мастер начинал задумываться над тем, кем же является этот необычный новичок.

Начало истории Гильдии относится к самому концу царствования последнего императора Николая II, когда в туман-

ные дни осени революционного Петрограда произошёл таинственный инцидент, приведший к созданию загадочного братства.

Однажды ночью молодой семинарист Василий Сергеевич Любимов шёл мимо собора Казанской Божьей Матери, направляясь домой после занятий. Здесь-то впервые он заметил нечто необъяснимое: мерцающие огни вспыхивали среди мраморных плит пола и исчезали, оставляя ощущение зловещего присутствия. Это событие было далеко не единственным. Вскоре весь город заговорил о странных происшествиях, вроде пропажи вещей, внезапных падениях людей и странных шумах, слышимых лишь отдельными гражданами.

Тогда небольшой кружок священников, профессоров богословия и любителей эзотерического начал серьёзно изучать подобные явления. Одной из ключевых фигур стала Анна Сергеевна Морозова, женщина-прозорливица, родившаяся в семье священника и получившая особое видение. Именно ей принадлежит идея собрать верующих и исследователей в единое сообщество для изучения природы и методов противодействия нечистой силе.

Под руководством Александра Павловича Воронина, талантливого студента-психолога, группа сформировала устав и процедуры принятия новых членов. Своё первое убежище

Гильдия нашла в одном из подвальных помещений Мариинского театра, откуда вела наблюдение за окружающим миром и организовывала экспедиции против враждебных существ.

Время шло, наступили годы гражданской войны и большевистской революции, но деятельность Гильдии продолжилась, став важнейшим фактором защиты города от наваждений и воздействий извне. Каждый новый член приносил новые знания и умения, расширяя влияние «Ночной гвардии». За долгие годы существования эта организация превратилась в настоящее братство защитников Петрограда, объединённое целью охраны простого народа от потусторонней угрозы.

Три легендарных предмета хранили охотники Гильдии Демонов, словно символы древней власти над неизведанным.

Первый из них носил название «Зеркало Элизиума» — круглый кусок бронзы, изъеденной патиной веков, привезённой торговыми караванами с Востока. Купец Лев Рябинин привёз его профессору археологии Трубецкому, человеку утончённому и увлечённому историей минувших эпох. Магический эффект зеркала состоял в том, что достаточно взглянуть в его тусклую поверхность, и подлинная природа существа проявлялась мгновенно, обнажаясь перед наблю-

дателем во всей ужасающей красоте.

Следующей важной вещью Гильдии служила «Серебряная печать Ивана Грозного», тяжёлая выпуклая печать, обнаруженная случайно в подземельях московского кремля. Согласно сохранившимся свидетельствам, царь применял её, дабы удержать мятежных и непокорных бесов в пределах дозволенного. После долгих поисков архивариус Алексей Черненко нашёл ключ к печати, спрятанный в глубокой нише библиотеки царя Иоанна Васильевича.

Наконец, третьим орудием являлась рукописная книга, известная как «Книга Безмолвия». Автор её остался неизвестен, хотя учёные полагали, что писал её некий средневековый монах-подвижник эпохи князя Ярослава Мудрого. Наполненная таинственным языком, едва понятным современникам, Книгу боялись применять часто, считая каждую страницу заряженной опасной энергией. Но когда беда приходила неотвратимо, охотники обращались к страницам Книги, надеясь на мудрость, накопленную поколениями предшественников.

Эти вещи берегли тщательнее всего остального имущества Гильдии. Только достойнейшие имели право прикоснуться к зеркалу, держать печать и листать страницы древнего манускрипта. Благодаря им Петроград вновь обрёл покой и уверенность, оставаясь неприступным бастионом пе-

ред нашествием чуждых теней.

Помимо защитных предметов, в арсенале гильдии имелись и мощные орудия Света, способные нанести врагам ощутимый ущерб в открытом противостоянии. Эти предметы обладали способностью наносить существенный физический урон силам зла, позволяя охотникам вступить в схватку лицом к лицу с самыми коварными демонами.

Разумеется, детальное описание каждого из этих орудий мы приведём постепенно, раскрывая тайны и секреты параллельно развитию сюжета нашей истории. Однако для наглядности упомянем два известных образца подобного вооружения: меч Михаила Афанасьевича — «Чёртову Пагубу» и хлыст Марго — «Хвост Демона».

Первое из них — знаменитый клинок, получивший своё грозное прозвище благодаря необычной природе своего происхождения. Оружие создано из крови высшего демона, поверженного много десятков лет назад. Во время сложного ритуала капля демонской крови была запечатана внутри рукотворной конструкции — рукоятки клинка, выполненной в форме изящного козьего черепа. Меч способен самостоятельно активизироваться при приближении врага или лёгком движении руки владельца. Как только угроза возникает, запечатанная в рукоять кровь превращается в смертельно ост-

рые лезвия, испуская подобие ледяной волны.

Второй предмет представлен гораздо менее изысканным образом. Хлыст Марго был изготовлен простейшим методом: однажды опытный мастер поймал обычного мелкого бесёнка и силой вырвал его хвост прямо из плоти несчастного демона. Затем извлечённый трофей был сплетён особым образом и обработан специальным составом из ладана и особой смеси трав. Получившийся хлыст стал эффективным оружием против представителей нечистой силы, лишённых защиты от физической боли.

Год спустя Михаил Афанасьевич оказался полноправным членом клана, хотя старшие товарищи продолжали считать его молодым да зеленым. Во время собраний он ещё долго оставался подальше от круга избранных, прислушиваясь лишь краешком уха к тайнам, обсуждаемым серьёзными голосами старших братьев и сестёр «Ночной гвардии».

Всё такая же, как и три года назад, не меняющаяся ни на волосок, Марго стояла перед Михаилом, вцепившись коготками в дамскую сумочку. На голове девушки красовался небольшой элегантный шляпный аксессуар, известный как «шляпа-шлем». Этот стильный элемент гардероба создавался специально для дам, предпочитающих лёгкость и удобство при сохранении очарования изысканности. Шляп-

ка имела округлую форму, слегка расширяясь вверху, создавая впечатление небольшого колпака, покрытого дорогими тканями светлых оттенков.

Верхняя часть шляпы украшалась нежным кружевом, создающим ощущение лёгкой невесомости, гармонично сочетающимся с основным цветом платья. По краю располагались тонкие ленты светло-серого оттенка, завязанные аккуратным бантом сбоку головы, подчёркивая женственность образа. Благодаря своей простоте и одновременно выразительности, этот аксессуар прекрасно завершал общий облик женщины, идеально дополняя всю картину внешнего вида.

Прикладывая ладони к лицу, дабы подавить приступ назревающего чиха, Василий неуклюже прижался спиной к стене, передвигаясь мелкими шажочками в направлении выхода. Стараясь избегать прямого взгляда на женщину, он робко бормотал извинения, перемежаемые глухими попытками удержать рвущиеся наружу звуки.

Марго с оценивающим взглядом медленно прошла по комнате и, небрежно смахнув невидимую пыль со стула, где только что сидел дворник, уселась нога на ногу, открыв Михаилу Афанасьевичу чулки в мелкую сеточку. Видавший многое гинеколог слегка отвернулся от прекрасного зрелища и дождался, когда дверь наверху захлопнулась. Громкий, до-

вольный чих Василия Ивановича, сопровождаемый бранью, оповестил, что тот наконец-то ушёл.

— Спасибо, что забрали меня вчера ночью, — сняв очки, врач осторожно встретился взглядом с глазами Марго. — Меня бы точно арестовали.

— Почему вы пошли в подземелье к демонам в одиночку? — словно не слыша благодарности Михаила, приподняла бровь Марго. — Мастер недоволен вашей самодеятельностью. Охотников, которые с рождения видят демонов, как вы или я, не так уж и много. Надо беречь наш клан. Если бы вы не активировали «Чёртову Па́губу», так и остались бы там бегать по лабиринтам. Мы бы не нашли вас...

— Спасибо, что подсказали, где выход, — вспомнив зовущий голос, который направлял его верным путём, врач окончательно опустил голову, ощущая свою вину. — Я думал, это обычные роды, пока не заметил костную пыль от линяющих рогов демонов. Она всю комнату там собой наполнила.

— Нет ничего удивительного, что нечисть обжилась под этим домом, — Марго резко встала со стула и раздраженно прикусила губу. — Там царствует распутство. Хозяин этого дома явно не стремится жениться, а только брюхатит молодых служанок... Кстати, о хозяине дома. Он всё-таки подал

на вас жалобу.

— Да, меня временно отстранили от работы, — Михаил Афанасьевич снова надел очки и взглянул на Марго.

— А сами-то что думаете обо всём этом?

— Мне не следовало идти туда одному...

— Я не об этом, — Марго подошла ближе к врачу, и тот почувствовал головокружение от аромата её изысканных французских духов. — Беременность женщин — это правда?

— Сегодня я слышу сердцебиение ребенка, а завтра его уже нет, — нахмурившись, коротко объяснил врач и привычно зашагал по комнате, словно читая лекцию перед аудиторией.

— Роды продолжаютсся сутки и дольше, а потом оказывается, что никакого плода нет. Демоны проникли в родильные дома. Более того: раньше они похищали душу, теперь добрались и до тела... Они ищут что-то...

— Именно поэтому сегодня вечером состоится крупное собрание нашей гильдии. У куратора есть важные известия.

Он собрал всех — и старожилов, и новичков «Ночной гвардии». Приходите обязательно. Демоны определённо задумали нечто серьёзное...

7

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.